

НА ЖИЗНЬ МАДОННЫ ЛАУРЫ

I

В собрание песен, верных юной страсти,
Щемящий отзвук вздохов не угас
С тех пор, как я ошибся в первый раз,
Не ведая своей грядущей части.

У тщетных грез и тщетных мук во власти,
Мой голос прерывается подчас,
За что прошу не о прощенье вас,
Влюбленные, а только об участие,

Ведь то, что надо мной смеялся всяк,
Не значило, что судьи слишком строги:
Я вижу нынче сам, что был смешон.

И за былую жажду тщетных благ
Казню теперь себя, поняв в итоге,
Что радости мирские — краткий сон.

II

Я поступал ему наперекор,
И все до неких пор сходило гладко,
Но вновь Амур прицелился украдкой,
Чтоб отомстить сполна за свой позор.

Я снова чаял дать ему отпор,
Вложив в борьбу все силы без остатка,
Но стрелы разговаривают кратко,
Тем более что он стрелял в упор.

Я даже не успел загородиться,
В мгновенье ока взятый на прицел,
Когда ничто грозы не предвещало,

Иль на вершине разума укрыться
От злой беды, о чем потом жалел,
Но в сожаленьях поздних проку мало.

III

Был день, в который, по Творце вселенной
Скорбя, померкло Солнце... Луч огня
Из ваших глаз врасплох настиг меня:
О госпожа, я стал их узник пленный!

Гадал ли я, чтоб в оный день священный
Была потребна крепкая броня
От нежных стрел? что скорбь страстного дня
С тех пор в душе пребудет неизменной?

Был рад стрелок! Открыл чрез ясный взгляд
Я к сердцу дверь — беспечен, безоружен...
Ах! ныне слезы лью из этих врат.

Но честь ли Богу — влить мне в жилы яд,
Когда, казалось, панцирь был ненужен? —
Вам — под фатой таить железо лат?

IV

Кто мирозданье создал, показав,
Что замысел Творца не знал изъяна,
Кто воплотил в планетах мудрость плана,
Добро одних над злом других подняв;

Кто верный смысл ветхозаветных глав
Извлек из долголетнего тумана
И рыбаков Петра и Иоанна
На небе поместил, к себе призвав, —

Рождением не Рим, но Иудею
Почтил, затем что с самого начала
Смиренье ставил во главу угла,

И ныне городку, каких немало,
Дал солнце — ту, что красотой своею
Родному краю славу принесла.

V

Когда, возжаждав отличиться много,
Я ваше имя робко назову —
ХваЛИА божественная наяву
Возносится от первого же слога.

Но некий голос Умеряет строго
Мою РЕшимость, как по волшебству:
Вассалом сТАТЬ земному божеству —
Не для тебя подобная дорога.

Так будь просЛАвлен, несравненный лик,
Услышь, к тебе с хвалою восхищенной,
Как все кругом, стРЕмлюсь я каждый миг,

Ведь Аполлон не менее велик,
Когда его листве вечнозеленой
Хвалу досТАвит дерзостный язык.

VI

Настолько безрассуден мой порыв,
Порыв безумца, следовать упорно
За той, что впереди летит проворно,
В любовный плен, как я, не угодив, —

Что чем настойчивее мой призыв:
«Оставь ее!» — тем более глетворна
Слепая страсть, поводьям не покорна,
Тем более желаний конь строптив.

И, вырвав у меня ремянный повод,
Он мчит меня, лишив последней воли,
Туда, где лавр над пропастью царит,

Отведать мне предоставляя повод
Незрелый плод, что прибавляет боли
Скорей, чем раны жгучие целит.

VII

Обжорство, леность мысли, праздный пух
Погубят в людях доброе начало:
На свете добродетелей не стало,
И голосу природы смертный глух.

На небе свет благих светил потух —
И жизнь былую форму потеряла,
И среди нас на удивленье мало
Таких, в ком песен не скудеет дух.

«Мечтать о лавре? Мирту поклоняться?
От Философии протянешь ноги!» —
Стяжателей не умолкает хор.

С тобой, мой друг, не многим по дороге:
Тем паче должен ты стези держаться
Достойной, как держался до сих пор.

VIII

Среди холмов зеленых, где сначала
Облечена была земною тканью
Красавица, чтоб к новому страданию
Она того, кто шлет нас, пробуждала,

Свобода наша прежняя блуждала,
Как будто можно вольному созданию
Везде бывать по своему желанию
И нет силков, нет гибельного жала:

Однако в нашей нынешней неволе,
Когда невзгоды наши столь суровы,
Что гибель неизбежна в нашей доле,

Утешиться мы, бедные, готовы:
Тот, кто поймал доверчивых дотоле,
Влачит наитягчайшие оковы.

IX

Когда часы делящая планета
Вновь обретает общество Тельца,
Природа видом радуется сердца,
Сияньем огненных рогов согрета.

И холм и дол — цветами все одето,
Звенят листвою свежей деревца,
Но и в земле, где ночи нет конца,
Такое зреет лакомство, как это.

В тепле творящем польза для плода.
Так, если солнца моего земного
Глаза-лучи ко мне обращены,

Что ни порыв любовный, что ни слово —
То ими рождено, но никогда
При этом я не чувствую весны.

Х

Колонна благородная, залог
Мечтаний наших, столп латинской чести,
Кого Юпитер силой грозной мести
С достойного пути столкнуть не смог,

Дворцов не знает этот уголок,
И нет театра в этом тихом месте,
Где радостно спускаться с Музой вместе
И подниматься на крутой отрог.

Все здесь над миром возвышает разум,
И соловей, что чуткий слух пленяет,
Встречая пеньем жалобным рассвет,

Любовной думой сердце наполняет;
Но здешние красоты меркнут разом,
Как вспомню, что тебя меж нами нет.

XI

На солнце ли, в тени вас без вуали
Не вижу, донна, я
С тех пор, как вам известна страсть моя,
Пред коей чувства прочие завяли.

Пока таил я сладкую мечту,
Что жаждать смерти заставляла разум,
Вы, знаю, были к милосердию склонны.
Но лишь открылась вам Любовь, как разом
Вы волосы укрыли под фату,
Ушел в себя ваш нежный взгляд бездонный.
Чего желал, лишен по воле донны:
Теперь я раб фаты,
И в хлад и зной до гробовой черты
Свет ваших глаз мне будет зрим едва ли.

XII

Коль жизнь моя настолько терпелива
Пребудет под напором тяжких бед,
Что я увижу вас на склоне лет:
Померкли очи, ясные на диво,

И золотого нет в кудрях отлива,
И нет венков, и ярких платьев нет,
И лик игрою красок не согрет,
Что вынуждал меня роптать пугливо, —

Тогда, быть может, страх былой гоня,
Я расскажу вам, как, лишен свободы,
Я изнывал все больше день от дня,

И если к чувствам беспощадны годы,
Хотя бы вздохи поздние меня
Пускай вознаградят за все невзгоды.

ХIII

Когда в ее обличии проходит
Сама Любовь меж сверстниц молодых,
Растет мой жар, — чем ярче жен других
Она красой победной превосходит.

Мечта, тот миг благословляя, бродит
Близ мест, где цвел эдем очей моих.
Душе скажу: «Блаженство встреч таких
Достойною ль, душа, тебя находит?»

Влюбленных дум полет предначертан
К Верховному, ея внушеньем, Благу.
Чувств низменных — тебе ль ласкать обман?

Она идти к пределу горних стран
Прямой стезей дала тебе отвагу:
Надейся ж, верь и пей живую влагу».

XIV

Когда стремлю тебя, несчастный взгляд,
На ту, кто красотой тебя убила,
Я б не вздыхал уныло,
Но испытаний дни тебе грозят.

Душевым думам только смерть вольна
Закрыть дорогу в порт благословенный,
Тогда как, очи бедные, у вас
Отраду вашу, свет, для вас священный,
Отнять способна меньшая вина, —
Ведь вы слабее дум во много раз.
Поэтому, пока не пробил час
Для слез, — а он уж близок, час разлуки, —
В преддверье долгой муки
Ловите миг настойчивей стократ.

XV

Я шаг шагну — и оглянусь назад.
И ветерок из милого предела
Напутственный ловлю... И ношу тела
Влачу, усталый, дале — рад не рад.

Но вспомню вдруг, каких лишен отрад,
Как долог путь, как смертного удела
Размерен срок, — и вновь бреду несмело,
И вот — стою в слезах, потупя взгляд.

Порой сомненье мучит: эти члены
Как могут жить, с душой разлучены?
Она ж — все там! Ей дом — все те же стены!

Амур в ответ: «Коль души влюблены,
Им нет пространств; земные перемены
Что значат им? Они, как ветер, вольны».

XVI

Пустился в путь седой как лунь старик
Из отчих мест, где годы пролетели;
Родные удержать его хотели,
Но он не знал сомнений в этот миг.

К таким дорогам дальним не привык,
С трудом влачится он к заветной цели,
Превозмогая немощь в древнем теле:
Устать устал, но духом не поник.

И вот он созерцает образ в Риме
Того, пред кем предстать на небесах
Мечтает, обрета успокоенье.

Так я, не сравнивая вас с другими,
Насколько это можно — в их чертах
Найти стараюсь ваше отраженье.